

Чтобы провести внутреннюю чистку, Великий старейшина отдал приказ: все обитатели старой усадьбы семьи Чжан должны в строго отведенное время прибыть на тренировочную площадку. Опоздавших ждала участь предателей. В назначенный час все механизмы поместья придут в действие, уничтожая любую живую тварь, оказавшуюся за пределами полигона.

Тех, кто успел вовремя, разбили на группы по четыре человека для взаимной проверки татуировок. Сначала проверяли по часовой стрелке, записывали результат, а затем повторяли процедуру в обратном направлении — это позволяло исключить возможность сговора.

Тех, у кого обнаруживали татуировку феникса, тут же брали под стражу. Им протыкали лопатки железными крючьями, вывихивали конечности, лишали внутренней силы и запирали в железные клетки, дожидаясь, пока всех задержанных не отправят в темницу на допрос.

Даже если человек проходил первичную проверку, пять старейшин и двадцать членов основной семьи, лично проверенных ими, продолжали осмотр, пока не оставалось сомнений: у всех либо татуировки цилиня, либо их нет вовсе.

Су И и Байма, будучи единственными сторонними наблюдателями, вели себя по-разному: одна смущенно отвернулась, другая же с удовольствием рассматривала происходящее.

Если бы не необходимость поддерживать определенный образ, Су И сама бы вызвалась помогать старейшинам в осмотре. В конце концов, она — добрая и отзывчивая Цзяожэнь!

Члены семьи Чжан были из тех, кто в одежде кажется стройным, а без неё являет миру крепкие мышцы. Эти тонкие на вид мускулы таили в себе чудовищную взрывную силу — достаточно вспомнить, как один из них ударом кулака едва не забил насмерть дикого волка.

С такой силой, если бы один из них ударил её, Су И пришлось бы заказывать себе поминальную службу на седьмой день.

Даже немногочисленные девушки в семье обладали подтянутыми фигурами и четкими линиями пресса. Их героический облик был именно тем, к чему Су И сама когда-то стремилась.

Её взгляд скользил по рядам безупречно стоящих членов семьи Чжан и в конце концов остановился на малышах в первом ряду. Это были перспективные ростки, и она твердо решила, что отныне будет часто заглядывать на тренировочную площадку. Забота о физическом и душевном здоровье людей начнется уже завтра.

Проницательный Пятый старейшина не упустил момента, когда глаза Су И внезапно засияли: кажется, он обнаружил нечто весьма любопытное.

Эта проверка выявила немало татуировок феникса, причем у их владельцев имелись пальцы

Фацю, характерные для семьи Чжан. Либо они изначально были людьми из другого клана, которых с детства подбросили в семью Чжан на воспитание, либо кто-то из своих переметнулся на сторону врага.

В любом случае, факт оставался фактом: древний клан Чжан позволил себя одурачить.

Су И закрыла глаза, притворившись спящей — ей не хотелось слушать споры старейшин о том, что важнее: разобраться с внутренними врагами или отразить внешнюю угрозу.

Байма постепенно привыкала к жизни в семье Чжан.

Около пяти утра она отводила Чжан Хайсина на занятия. Программа была чересчур жестокой, и хотя сердце Байма обливало кровью, она понимала: во-первых, она не в силах этому противостоять, а во-вторых, чем больше ребенок узнает, тем выше его шансы выжить.

Семья Чжан была родом расхитителей гробниц, и любая нехватка знаний могла сделать её сына лишь ступенькой для чужого успеха.

Проводив ребенка, Байма принималась за свои дела, например, ухаживала за небольшим огородом с целебными травами, который она разбила во дворе. С детства она изучала тибетскую медицину, а теперь осваивала и китайскую фармакологию. Выращенные растения она использовала для укрепления здоровья или заживления шрамов.

Благодаря подпитке водой из пруда, в которой купалась Су И, травы росли на удивление быстро, а их целебные свойства в разы превосходили обычные аналоги.

Около часа дня Су И просыпалась, съедала что-нибудь на скорую руку и бежала на тренировочную площадку.

Когда она впервые увидела процесс тренировки пальцев Фацю, её стошнило прямо на столб. Группа детей, до этого плакавших, замерла — они даже не знали, стоит ли продолжать рыдания.

Это было слишком ужасно. Чжан Жуйтань, пришедший забрать детей, посмотрел на изможденную Су И и решил, что она выглядит даже хуже, чем дети, у которых пальцы от боли в лекарственном растворе вот-вот готовы были отвалиться.

Кто-то уже успел убрать беспорядок, а перед уходом заботливо вручил Су И фарфоровый сосуд с удобной ручкой и бамбуковую флягу с водой.

Чтобы не выделяться, сегодня Су И надела тонкий халат, под которым скрывалась плиссированная юбка с вышивкой, а поверх — длинный халат с запахом до колен. На бледно-голубом фоне были вышиты нежно-фиолетовые бабочки и цветы, подол был оторочен черным,

а воротник застегивался на жемчужные пуговицы и был оторочен мягким кроличьим мехом.

Серебристые волосы были наполовину приподняты и заколоты сандаловой шпилькой, а оставшаяся часть, из-за того что она сидела на корточках, волочилась по земле, собирая пыль.

Су И была настолько измождена, что у неё не осталось сил даже стоять. В голове крутилось одно и то же: пальцы ломают, вправляют, и так по кругу.

Некоторые дети были физически не приспособлены к тренировке пальцев Фацю, поэтому смертность в процессе обучения была неизбежна. К тому же, лекарственный раствор для ванночек вторично раздражал сломанные кости, словно их постоянно протыкали иглами. Годы таких тренировок приводили к неестественному удлинению пальцев.

Даже если сосуды мыли каждый день, обостренное обоняние Цзяожэнь улавливало малейшие запахи, забившиеся в щели, которые под воздействием ферментации превращались в невыносимое зловоние. Су И казалось, что она сама пропиталась этим запахом, и её вырвало.

В прошлый раз, когда она проверяла татуировки, её не тошнило — видимо, потому что тогда все инструменты были убраны.

В итоге Чжан Жуйтань на руках отнес Су И обратно во двор и велел прислуге сварить успокаивающий отвар, не забыв добавить лакрицу.

Су И безжизненно лежала на кровати, долго не в силах прийти в себя — она ведь не всегда спала в воде.

Спустя два дня, подготовив себя морально, она снова отправилась на площадку.

Тренировка пальцев Фацю была самой мучительной, и лишь те, кто мог её выдержать, имели право называться членами семьи Чжан.

Двухлетний Чжан Хайсин тренировался всего несколько месяцев, но его успехи были не хуже, чем у детей, выросших здесь. У него были отличные задатки и поразительная способность терпеть боль — он стал любимчиком наставников.

Жаль только, что он не был кровным членом семьи. Говорили, что он потерялся во время внутренних смут и был воспитан Цзяожэнь из внешнего мира.

Легок на помине — вот и сама Цзяожэнь.

Цвет волос Су И постоянно менялся от серебристого к черному, а её изысканные наряды всегда были расшиты цветами и бабочками. Она совсем не походила на хладнокровную

Цзяожэнь, скорее на танцующую бабочку, легко приковывающую взгляды — особенно тех членов семьи Чжан, что никогда не видели ничего подобного.

В этот раз Су И пришла со своими фирменными кексами.

В семье Чжан, если не было заданий, все питались дважды в день, и дети не были исключением. Но в полдень им полагался небольшой отдых, а не шесть часов непрерывных тренировок.

Аромат свежее испеченных мягких кексов разлился по всей площадке.

Су И, будучи Цзяожэнь, прекрасно знающей человеческие нравы, попросила Чжан Хайсина поделиться выпечкой с остальными детьми.

— Ваши старейшины уже пробовали, это очень вкусно!

И в этом Су И не солгала.

С тех пор как она появилась, старейшины, обсуждая дела, часто собирались у пруда в её дворе, поэтому первая партия кексов отправилась именно им.

Наставник на площадке на мгновение задумался, но не стал останавливать детей.

<http://bllate.org/book/21367/2176376>